

Дворец Чжиюй был залит ярким светом — сегодня здесь зажгли непривычно много ламп. Чжао Цзиньюй сидел за письменным столом, переписывая статью, которую когда-то составил Чу Чанси. В тот момент, когда у него началось кровохарканье, он как раз был поглощен чтением. Несмотря на то, что он с невероятной скоростью отдернул бумагу, на некоторых листах все же расплылись алые пятна.

Кое-где кровь пропитала бумагу так сильно, что разобрать написанное стало невозможно. Чжао Цзиньюй поднес лампу ближе, вглядываясь в текст, но в конце концов бессильно опустил её.

Как же эта картина походила на тот, залитый кровью, портрет из прошлого? Чу Чанси ушел от него, и он не смог удержать ничего.

Сердце Чжао Цзиньюя пронзила острая, невыносимая боль, разливаясь по всему телу. Он не мог её подавить, но, подняв голову, посмотрел в окно с бесстрастным лицом. Небо становилось всё темнее, лишь лунный свет пробивался сквозь мрак. Когда Чу Чанси уходил, он даже не спросил, когда тот вернется.

Всё его тело кричало от боли, словно плоть разрывали на части, а меридианы перемалывали в пыль, но лицо Чжао Цзиньюя оставалось онемевшим. Это была предельная степень отчаяния, мертвая тишина без единой капли надежды, погружение в самую глубокую тьму. Просто у него больше не было того света, что освещал его путь.

Спустя мгновение он взял кисть и, пропустив испорченные части, продолжил переписывать. Лицо его было бледным, но взгляд — сосредоточенным. Закончив, он невольно замер, глядя на пустые места, пока перед глазами вдруг не возникла рука.

Пальцы были длинными, чистыми и холодными, как снег. Это была та самая рука, которую Чжао Цзиньюй все эти годы так хотел держать в своей. Но тот человек не любил прикосновений, и Чжао приходилось довольствоваться малым — он часто касался его рукава. Так они и жили более десяти лет.

Он проследил взглядом за рукой и поднял голову.

— ... — Чу Чанси увидел, что тот застыл, и протянул руку чуть дальше.

Белые одежды, как снег, черные волосы, как шелк. Человек перед ним смотрел на него ясными, спокойными глазами, словно выточенный из нефрита в инее. В чертах его лица, хоть и осталась прежняя холодность, больше не было той непреодолимой ледяной стены, отталкивающей всех на тысячи ли.

— ...Чанси? — Голос Чжао Цзиньюя охрип, но он подавил дрожь. — Ты вернулся?

Чу Чанси всё ещё держал руку протянутой и спокойно произнес:

— Дай мне кисть. Я дополню то, что здесь недостает.

Сказав это, он забрал кисть из его пальцев, подошел к столу, слегка наклонился и, приподняв рукав, начал писать.

Чжао Цзиньюй поспешно встал, уступая ему место:

— Прости... Я не нарочно испачкал её.

— Ничего страшного, — ответил Чу Чанси ровным, но отнюдь не холодным тоном.

Сердце Чжао Цзиньюя сжалось. Он не знал, почему после возвращения отношение Чанси к нему так изменилось, но не хотел и не смел размышлять об этом глубоко.

Мотылек, летящий на огонь, человек, пьющий яд, чтобы утолить жажду — ему было всё равно.

— Чанси... — Чжао Цзиньюй неотрывно смотрел на него. Свет от красных свечей на столе дрожал в его глазах, отражаясь на бледном лице, делая его облик пугающе прекрасным, словно пропитанным кровью.

— Хм? — Чу Чанси, продолжая писать, как бы между делом спросил: — Твои раны, государь, заживают?

Как такое возможно? Чанси действительно беспокоится о нем?

Чжао Цзиньюй не знал, тепло ли у него на душе или холодно. Ледяная волна накрыла его с головой — он понимал, что такое внимание, вероятно, имеет скрытую цель, но всё же заставил себя улыбнуться:

— Уже намного лучше.

— Государь — правитель, — Чу Чанси опустил взгляд, его слова на рисовой бумаге звучали как решительный вердикт, — сначала ты правитель, а уже потом — муж и отец.

Уголки глаз Чжао Цзиньюя покраснели, жар смешался с колким холодом, и он твердо ответил:

— Хорошо, я понял. Буду следовать твоим наставлениям, Чанси.

Система: Хозяин, тебе обязательно быть настолько очевидным? Главный герой наверняка догадался, что ты резко изменил отношение к нему неспроста!

Чу Чанси: Разве он не всегда считал, что я именно такой? Пусть будет так, как он хочет.

Система: ...Но он еще думает, что ты хочешь его убить.

Чу Чанси усмехнулся:

— И это пусть будет так, как он хочет.

Система: ...Ты правда собираешься его убить? О боже! Кажется, этот мир скоро накроется медным тазом!

...

Чу Чанси стал не только проявлять заботу, но и помогать ему в государственных делах. Они часто вместе просматривали доклады. Из-за того, что раны Чжао Цзинъюя были серьезными и требовали покоя, некоторые срочные вопросы при дворе он полностью передал на решение Чу Чанси. Чжао Цзинъюй был готов на всё: какой бы власти ни хотел Чанси, он отдавал её без колебаний, будучи невероятно послушным. Придворные же, видя, что молодой господин помогает императору, были только рады и не видели в этом ничего предосудительного.

Все во дворце были поражены: после примирения император и господин Чу стали еще ближе, чем прежде, напоминая образцовую супружескую пару. Некоторые даже начали строить планы, полагая, что великая свадьба императора не за горами.

Однако Чжао Цзинъюй оставался бесстрастным, и невозможно было понять, о чем он думает. Он никогда не был любителем улыбаться. В те годы, будучи скрытным и одиноким наследным принцем, он научился улыбаться, проявлять инициативу и заискивать лишь ради того, чтобы заслужить внимание того, кто однажды пришел к нему сквозь метель, холодный и недостижимый, словно луна в небесах. Он даже намеренно совершал ошибки, чтобы тот человек, поправляя рукава, наставлял его тихим голосом.

Ныне император улыбался только в присутствии господина Чу, в остальное время становясь всё более молчаливым, а его глаза — всё более тусклыми. К остальным он больше не проявлял такого терпения. Увидев, что Е Фэн хочет что-то сказать, но колеблется, он нахмурился:

— В чем дело?

Е Фэн нерешительно произнес:

— Господин Чу после утренней аудиенции снова под предлогом вышел из дворца, возможно...

— Е Фэн не осмелился договорить.

Чжао Цзинъюй не изменился в лице:

— Хорошо. В темнице всё по-прежнему, не дайте им обнаружить неладное. Остальное... не

имеет значения.

Сказав это, Чжао Цзиньюй склонил голову и закашлялся, выплеснув на ладонь кровь. Она забрызгала черную одежду, оставив лишь влажные пятна, которые на темной ткани были почти не видны. Он восстанавливался уже больше месяца, внешние раны затянулись, но сердечная болезнь и кашель кровью стали хроническими.

Чжао Цзиньюй взял у Е Фэна платок, вытер пальцы и жестом приказал ему удалиться. Легко погладив нефритовый кулон на поясе, он посмотрел в окно.

Черные тучи сгущались, опускаясь всё ниже. Летние грозы переменчивы — приходят быстро и уходят так же. Чжао Цзиньюй встал, вышел из комнаты и направился к бамбуку у колонны галереи.

Он некоторое время смотрел вверх, затем слегка подпрыгнул и снял две красные деревянные таблички.

...

Чу Чанси отсутствовал полдня. Когда он вернулся, дождь лил стеной. Он шел под зонтом, и капли с громким стуком барабанили по его поверхности.

Ливень был таким сильным, что, казалось, небо рыдает. Чу Чанси приподнял край зонта, и когда он ступил под своды дворца Чжияй, то увидел через длинный коридор, что главный герой стоит у входа и ждет его с улыбкой.

— Чанси!

Чжао Цзиньюй помахал ему издалека сквозь пелену дождя. В присутствии Чу Чанси он никогда не заботился о своем императорском величии.

Небо слилось с землей, дождь размывал очертания, и фигура Чу Чанси казалась призрачной, словно нарисованной на картине. В глазах Чжао Цзиньюя выступила влага, которую он поспешно смахнул, как только тот подошел ближе.

— Чанси, ты вернулся?

— Да. — Чу Чанси закрыл зонт. Чжао Цзиньюй принял ручку зонта из его рук, случайно коснувшись его пальцев — на них попал дождь, и они были ледяными.

Чжао Цзиньюй отложил зонт и, увидев, что подол его одежды сильно промок, обернулся и в гневе крикнул слугам:

— Одежда господина промокла, вы что, ослепли?! Живо сюда, прислуживать!

В мгновение ока в затихшем дворце Чжиюй началась суета: евнухи и служанки с сухой одеждой, полотенцами и горячей водой забежали туда-сюда.

Чжао Цзинъюй лично взял у служанки одежду, чтобы помочь Чу Чанси переодеться, усадил его на кровать и опустил на колени, чтобы снять сапоги. Слуги уже привыкли к подобным сценам и больше не удивлялись, лишь смиренно затаив дыхание стояли в стороне.

— Хорошо, что волосы не намокли, иначе простудишься... — Чжао Цзинъюй, не переставая беспокоиться, взял полотенце и бережно протер кончики волос Чу Чанси.

Когда всех выслали, Чжао Цзинъюй достал из рукава те две выцветшие, потрепанные деревянные таблички и протянул их Чу Чанси.

В тот день, во время пожара во дворце Хуань, Чжао Цзинъюй уже было вышел из здания, но, вспомнив о чем-то, внезапно развернулся и бросился обратно сквозь густой дым и высокие языки пламени, чтобы забрать эти две таблички.

Главный дворец почти превратился в пепел, и от их прошлого с Чанси ничего не осталось, кроме этих двух дощечек.

Чу Чанси взглянул на них. За окном дождь продолжал барабанить по темному небу, его взгляд был холодным и отстраненным:

— Что это?

— Это клятвы, которые мы дали друг другу, — Чжао Цзинъюй рукавом осторожно стер пыль с табличек, но надписи выцвели, и разобрать их было уже невозможно.

Однако Чжао Цзинъюй помнил всё до мельчайших деталей, словно они были выжжены у него в памяти. Указывая на остатки символов, он подавленным, хриплым голосом прочел:

— То, к чему стремлюсь, проникает в мои кости и сливается с моей кровью.

Ниже стояли их имена.

В то время он еще не осмеливался признаться Чанси в своих чувствах, поэтому выразился туманно: «то, к чему стремлюсь». Чанси не понял, что речь о нем, и, решив, что это великие амбиции ради страны, ответил, что он добьется своего и не подведет народ.

Вспомнив об этом, Чжао Цзинъюй невольно улыбнулся.

Но Чу Чанси, повертев таблички в руках, небрежно швырнул их в сторону. Они с глухим стуком ударились об пол, задрожав. Взгляд Чжао Цзинъюя приковало к ним, и его самого начало трясти.

— Такая рухлядь, давно пора было выбросить.

— Чу Чанси... — Голос Чжао Цзинъюя окончательно сорвался. Человек, которого он любил больше жизни, не только презирал его, но и так же легко относился к самым дорогим для него вещам.

Он встал, пошатнувшись. Казалось, всё то спокойствие, которое он поддерживал последние дни, рушится по кирпичику, а ледяной ветер и дождь снаружи врываются в его разорванное сердце.

— Что такое? Эта вещь была так важна?

Чу Чанси смотрел на него, задавая вопрос, на который прекрасно знал ответ. За окном бушевал ливень, в комнате не горел свет, и хотя глаз Чу Чанси в темноте было не разобрать, Чжао Цзинъюю казалось, что взгляд его холоднее любой зимней бури.

— Нет, не важна.

Чжао Цзинъюй перевел дыхание, присел, поднял таблички и спрятал их обратно в рукав.

— Чанси, я всё думаю: может, я тогда загадал что-то не так, раз теперь пожинаю такие горькие плоды? — Ему следовало, как того хотел Чанси, пожелать блага всему народу, и тогда, может, он не оказался бы в таком положении?

В голосе Чу Чанси не было ни капли эмоций:

— Я не помню, чтобы когда-либо загадывал желания вместе с тобой.

И правда, Чанси потерял память. Даже если бы не потерял, он никогда не знал, о чем тогда мечтал Чжао. Возможно, он с самого начала всё сделал не так.

Чу Чанси увидел, что тот погрузился в самобичевание, и в слабом свете молнии его ясные черты лица на миг стали отчетливыми. Он протянул руку:

— Отдай мне таблички.

— Чанси, ты... зачем они тебе? — Чжао Цзинъюй испугался, что тот снова выбросит их, если он их отдаст, и теперь уже окончательно уничтожит.

— ... — Чу Чанси просто продолжал смотреть на него.

Видя, что тот молчит, Чжао Цзиньюй, как бы ни было больно расставаться, не посмел послушаться и, достав таблички из рукава, протянул ему.

Чу Чанси взял их, повертел в руках, словно пытаясь разобрать надписи. Спустя долгое время он произнес, и голос его, холодный как падающий снег, прозвучал неожиданно:

— Как пожелаешь. Давай поженимся.

<http://bllate.org/book/19901/1959227>